

Одинцова М.А. Субъективные и объективные факторы виктимизации россиян и белорусов

English version: [Odintsova M.A. Subjective and objective factors of victimization in Russians and Byelorussians](#)

Университет Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются объективные факторы виктимизации россиян и белорусов (особенности исторического развития, этнокультурные условия, особенности социальной, политической, экономической жизни народов). Представлены результаты эмпирического исследования субъективных факторов виктимизации россиян и белорусов (428 жителей Москвы и Минска). Изучались психологические особенности людей, влияющие на способность к адаптации: тип ролевой виктимности, смысложизненные ориентации, жизнестойкость, особенности мотивационной сферы, сформированность преодолевающих стратегий поведения. Проведен сравнительный анализ системных проявлений виктимности у россиян и белорусов.

Ключевые слова: виктимизация, жертва, объективные факторы виктимизации, субъективные факторы виктимизации

Постановка проблемы

Виктимизация – процесс и результат превращения человека или группы людей в жертв неблагоприятных условий социализации под влиянием объективных и субъективных факторов [Козырев, 2008; Миллер, 2006; Мудрик, 2000; Ривман, 2002].

Особенно актуальной данная тема стала в «эпоху перемен». Распад Советского Союза, вооруженные конфликты, катастрофы, кризисы и многие другие потрясения перестроечного периода обладают деструктивным воздействием и способствуют виктимизации больших групп людей [Ривман, 2002; Мудрик, 2000; Hiroto, Seligman, 2001]. Наряду с этим массовая миграция из бывших республик, обострение многочисленных этнических конфликтов с проявлением элементов ксенофобии, русофобии и многие другие ситуации относят к объективным факторам виктимизации народов постсоветского пространства [Миллер, 2006; Мудрик, 2000; Сургуладзе, 2010]. Данные неблагоприятные условия могут служить своеобразным индикатором виктимности людей и выявляют потенциальных жертв.

Субъективные факторы виктимизации являются едва уловимыми, скрытыми, а потому трудоемкими для изучения. К ним относят особенности менталитета того или иного народа, психологические особенности людей, влияющие на способность к адаптации (смысложизненные ориентации, жизнестойкость, особенности мотивационной сферы, сформированность тех или иных преодолевающих стратегий поведения и многое другое). Виктимизация, как справедливо указывает Д.Ривман, объединяющая в себе динамику (реализацию виктимности) и статику (уже

реализованную виктимность), являет собой некую материализацию субъективных (личностных) и объективных (ситуативных) виктимных (виктимогенных) потенциалов [Ривман, 2002, с. 80]. Осознание этого способствует наиболее полному и адекватному анализу процесса виктимизации целых групп людей.

Однако в настоящий момент большинство исследований направлено преимущественно на поиск объективных причин виктимизации, упускается важнейшая психологическая составляющая данного процесса. Слабо изучены вопросы субъективных и объективных факторов виктимизации этнических групп. Не обнаружено сравнительных исследований виктимизации и причин, ее порождающих, у россиян и белорусов, хотя существует множество не подтвержденных эмпирическим путем бездоказательных «штрихов к портрету» этих двух народов.

Во-первых, это связано с тем, что в науке по-прежнему при разработке проблемы виктимизации акцент смещается в сторону криминальных и экстремальных ситуаций, порождающих потенциальные жертвы преступлений и несчастных случаев. Хотя вопросами психологизации поставленной проблемы задавались еще со времен Э.Крепелина (1900) [Крепелин, 2007]. На психологизации проблемы жертвы настаивали К.Юнг (1914) [Юнг, 1994], А.Адлер (1926) [Адлер, 1997], И.Павлов (1916) [Павлов, 2001], Л.Выготский (1924) [Выготский, 2003] и другие. Об этом постоянно пишут современные специалисты в области виктимологии, криминологии [Ривман, 2002; и др.], остро ощущая недостаточную психологическую разработанность данной темы. Во-вторых, проблема специфики проявления виктимности и причин, ее порождающих, в различных экономических, политических, культурных условиях до недавнего времени была «закрытой» для обсуждения в широких научных кругах. В-третьих, исследование виктимизации россиян и белорусов представляется довольно сложной задачей в силу близости генотипа, культуры, языка, общности исторического развития этих народов.

Субъективные и объективные факторы виктимизации россиян и белорусов

К настоящему времени в психологии сложились относительно благоприятные предпосылки для исследования субъективных и объективных факторов виктимизации россиян и белорусов.

В отечественной и зарубежной психологии накоплены исследования, посвященные анализу воспитательных и образовательных систем различных типов культур, провоцирующих развитие способности быть жертвой. Например, «неправильное воспитание» [Адлер, 1997], в результате которого появляется масса комплексов неполноценности, ущербности; формируется «рабская психология» [Выготский, 2003; Павлов, 2001]; развивается инфантилизм [Фромм, 2000; Юнг, 1994]. Самостигматизация [Goffman, 1963], рентные установки [Крепелин, 2007], паразитизм [Перлз, 1995], выученная беспомощность и пассивность [Hiroto, Seligman, 1975] в своей совокупности могут являться виктимогенными факторами.

Стали доступными для анализа работы зарубежных психологов, посвященные изучению «загадочной русской души» [Эриксон, 2000]. Еще в 1950 году Э.Эриксон в своих «концептуальных путевых заметках» (E.Erikson. Childhood and Society) поднимал вопрос о русской душе как душе «спеленатой». Традицию тугого пеленания в русских семьях рассматривал в исторической и политической плоскостях, как часть системы, которая помогала поддерживать и продлевать русское сочетание рабства с «душой» [Эриксон, 2000], тем самым подчеркивая неистребимую способность русского человека быть жертвой.

Появились работы белорусских историков и культурологов, в которых более четко обозначились мотивы этнической виктимизации, способствующие навязыванию и закреплению виктимных

свойств белорусского народа, среди которых беспомощность, «памяркоунасть» (пассивность, нежелание действовать), ущербность, «мягкотелость», «недалекость», «забитость», неполноценность, страх и т.п. [Буховец, 2009; Дубянецкий, 1993; Литвин, 2002].

В психологии накоплены исследования специфических характеристик советского человека [Ротенберг, 2000; Фромм, 2000], на основании которых ученые пишут о сформировавшемся менталитете жертвы в период тоталитарного контроля государства над всеми аспектами жизни советского общества. Идеи влияния типа общества (модернизированное или тоталитарное) на появление того или иного типа жертвы появились и в современной отечественной социальной педагогике [Мудрик, 2000]. В последние десятилетия проведено множество социологических исследований, позволяющих выявить социально-политические, социокультурные условия развития белорусов и россиян [Николюк, 2009; Сикевич, 2007; Соколова, 2010; Титаренко, 2003] и их влияние на развитие и поддержание виктимности.

В современной психологии показано влияние различных ситуаций (от ситуаций повседневности до ситуаций крайней степени сложности) на виктимное поведение людей [Осухова, 2005], что свидетельствует о том, что современные люди не обладают определенными качествами, обеспечивающими их эффективное функционирование. На примере чернобыльской катастрофы рассматривается процесс формирования синдрома «вечной жертвы» [Саенко, 1999] у славянских народов.

Оживился интерес к проблемам национального характера белорусов и россиян послеперестроечного времени [Бобков, 2005; Мнацаканян, 2006; Науменко, 2008; Пезешкиан, 1999; Титаренко, 2003], в которых подчеркивается «парадоксальность» [Мнацаканян, 2006; Титаренко, 2003], мультикультурализм [Пезешкиан, 1999], «транскультурность» [Бобков, 2005] менталитета двух народов.

Цель исследования

В данной работе исследуется сочетание субъективных и объективных факторов виктимизации россиян и белорусов.

1. Проанализированы научные работы, в той или иной степени освещающие объективные факторы виктимизации россиян и белорусов (микро- и макрофакторы), к которым относят особенности исторического развития, этнокультурные условия, особенности социальной, политической, экономической жизни народов.
2. Описано эмпирическое исследование субъективных факторов виктимизации россиян и белорусов (психологические особенности людей, влияющие на способность к адаптации), к которым мы отнесли: тип ролевой виктимности, смысложизненные ориентации, жизнестойкость, особенности мотивации, уровень сформированности преодолевающих стратегий поведения.
3. Представлены результаты сравнительного анализа системных проявлений виктимности у белорусов и россиян с учетом того, что субъективные виктимогенные факторы чувствительны к различным явлениям общественной, социальной, экономической и политической жизни, в частности в России и Белоруссии.

Методы

В исследовании приняли участие 428 человек, жителей двух столиц – Москвы и Минска. Подвыборки были сбалансированы по полу, возрасту, образованию, социальному положению.

Возраст принявших участие в исследовании мужчин – от 20 до 40 лет (средний возраст – 27 лет). Возраст женщин – от 20 до 43 лет (средний возраст – 28 лет). В состав выборки вошли студенты различных специальностей, служащие, учителя, воспитатели, военные, медицинские работники, рабочие и др.

Опросники предъявлялись как индивидуально, так и в небольших по размеру группах. Продолжительность процедуры исследования составляла от 20 до 30 минут. Исследование проводилось с декабря 2010 по февраль 2011 года.

Для исследования субъективных факторов виктимизации россиян и белорусов использовались следующие методики: опросник «Тип ролевой виктимности» М.Одинцовой [Одинцова, 2010]; Тест жизнестойкости Д.Леонтьева, Е.Рассказовой [Леонтьев, Рассказова, 2006]; Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.Леонтьева [Леонтьев, 2006]; методика изучения мотивационной сферы личности В.Мильмана [Мильман, 2005]; опросник «Типы поведения и реакций в стрессовых ситуациях» Т.Крюковой [Крюкова, 2005].

При обработке данных использовался пакет статистических программ Statistica 8.0.

Результаты и обсуждение

Ролевая виктимность – предрасположенность индивида в силу специфических субъективных и неблагоприятных объективных факторов продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся в позиции либо статусе жертвы, а также в их динамическом воплощении, то есть в игровой или социальной ролях жертвы [Одинцова, 2010]. Между обследованными группами россиян и белорусов с использованием критерия t-Стьюдента выявлены значимые различия по шкалам ролевой виктимности (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ субъективных факторов виктимизации россиян и белорусов

Факторы виктимизации	Средние		t	p
	Белорусы	Россияне		
Тест жизнестойкости				
Вовлеченность	35,42	37,44	–1,649	0,050
Контроль	29,66	31,31	–1,399	0,081
Принятие риска	16,58	18,36	–2,327	0,010
Жизнестойкость	81,39	86,84	–1,993	0,024
Типы поведения и реакций в стрессовых ситуациях				
Копинг, ориентированный на задачу	41,86	43,74	–1,499	0,067
Копинг, ориентированный на эмоции	27,51	23,92	2,444	0,007
Копинг, ориентированный на избегание	30,86	28,67	1,672	0,048
Тест смысложизненных ориентаций				
Цель	31,97	32,64	–0,661	0,254
Процесс	31,60	31,18	0,321	0,374
Результат	25,23	27,19	–2,547	0,005
Локус контроля – Я	20,89	22,07	–1,583	0,057
Локус контроля – жизнь	29,85	30,82	–0,927	0,177
Смысложизненные ориентации	98,19	105,10	–2,588	0,005
Тип ролевой виктимности				
Игровая роль жертвы	3,85	3,44	1,679	0,047

Социальная роль жертвы	2,72	2,83	-0,444	0,328
Позиция жертвы	1,79	1,43	1,646	0,050
Статус жертвы	1,75	1,89	-0,771	0,220
Ролевая виктимность	9,95	9,59	0,588	0,278
Методика изучения мотивационной сферы личности				
Стремление к социальному статусу и престижу	7,80	6,62	3,522	0,000
Стремление к общей активности	6,97	7,59	-2,092	0,018
Стремление к творческой активности	6,75	7,52	-2,190	0,014
Полезность и значимость своей деятельности	6,25	7,10	-2,429	0,007

Примечания. t – критерий Стьюдента; p – уровень значимости различий.

Сравнительный анализ данных показал, что игровая роль жертвы как единица анализа свободных, ситуативных, взаимовыгодных и легко принимаемых членами межличностного взаимодействия ролевых отношений, согласующихся с внутренними особенностями виктимного индивида (инфантильность, манипулятивность, беспомощность и др.), имеющих в своей основе скрытую мотивацию и гармонично вписывающихся в проигрываемую ситуацию, в большей степени выражена в поведении белорусов, чем россиян ($t = 1,67$, $p = 0,04$). Эти результаты согласуются с данными, полученными нами в исследовании, проведенном в 2009 году ($N = 525$), в котором также были выявлены достоверные различия по критерию t-Стьюдента на уровне значимости 0,02. Детальный анализ представлен в работе М.А.Одинцовой, Е.М.Семеновой «Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян» [Одинцова, Семенова, 2011].

Белорусы чаще россиян прибегают к идентификации себя с жертвой, что приводит к усвоению личностных смыслов последней. Это означает, что игровая роль жертвы мотивирует белорусов на использование внешних ресурсов для защиты внутренней проблемы. К основным характеристикам игровой роли жертвы можно отнести инфантилизм, боязнь ответственности, рентные установки, умения манипулировать, беспомощность и т.п. Следует отметить особую пластичность и изобретательность игровой роли жертвы, позволяющие довольно «успешно» адаптироваться в любых условиях. Однако такая адаптация, ориентированная на консервативную и регрессивную стратегии, создает лишь иллюзию ее успешности.

Кроме этого, наше исследование показало, что позиция жертвы, как воплощение игровой роли жертвы, стойкое образование, характеризующееся совокупностью закрепившихся рентных установок, которые с повышением прочности игровой роли подвергаются постепенному разрушению, также более ярко выражена у белорусов, в отличие от россиян ($t = 1,64$, $p = 0,05$). Все характеристики, свойственные людям с игровой ролью жертвы, сохраняются, закрепляются, приобретают экспрессивный характер. Белорусам свойственно в большей степени, чем россиянам, демонстрировать свои страдания и несчастья, жаловаться, обвинять других, считать, что жизнь к ним несправедлива, но при этом оставаться пассивными и беспомощными наблюдателями за происходящим.

Анализ результатов по методике «Тип ролевой виктимности» показал, что позиция жертвы и ее динамическое воплощение (игровая роль жертвы) в большей степени выражены в поведении белорусов. Эти результаты в полной мере согласуются с данными социологических исследований белорусских коллег Г.Соколовой, Л.Титаренко, М.Фабрикант [Соколова, 2010; Титаренко, 2003; Фабрикант, 2008]. Так, по данным Г.Соколовой, многие белорусы нацелены в основном на патерналистские ожидания помощи, льгот, компенсаций, иждивенчество, ничегонеделание, в лучшем случае на поиск форм жизнедеятельности, позволяющих с минимальными затратами поддерживать достигнутый уровень [Соколова, 2010, с. 40]. Общественная и политическая жизнь у значительной части белорусов вызывает безразличие, они в основной своей массе предпочитают «позицию критичного и оценивающего наблюдателя» [Фабрикант, 2008, с. 260]. «Абыякавость»

(безразличие) как национальная черта белорусов подчеркивается большинством современных исследователей [Бобков, 2005; Соколова, 2010; Титаренко, 2003], а это считается одной из составляющих виктимности.

Выраженный уровень ролевой виктимности среди белорусов можно объяснить социополитическими причинами. Так, например, И.Бибо [Бибо, 2004]; А.Миллер [Миллер, 2006]; В.Сургуладзе [Сургуладзе, 2010] и др. придерживаются мнения, что развитию «виктимного синдрома малой нации» [Сургуладзе, 2010, с. 85] может способствовать долгая жизнь в окружении более сильных и активных народов, отсутствие собственной государственности, недостаток национальной идентичности и национального достоинства [Там же]. И.Литвин считает, что значительное место в системе воспитания комплекса неполноценности у белорусов занимает наука, которая представляла белорусов «недалекими и отсталыми лапотниками», а Беларусь – как «один из самых нищих и отсталых краев царской России» [Литвин, 2002].

Сохранившаяся в Белоруссии система подавления лишь усугубляет ситуацию. Многочисленными исследованиями [Hiroto, Seligman, 1975; Циринг, 2003; Фромм, 2000] доказано, что любое подавление препятствует адекватному разрешению проблем. Невозможность преодоления ситуаций подавления длительное время создает беспомощность целых социальных групп. Беспомощность белорусов – явление, которое включается в белорусскую культуру и становится национальной чертой. Большинство белорусов примиряются со своей судьбой, пассивно ей покоряются и уже даже не пытаются искать выхода. Социологические опросы общественного мнения по тем или иным социальным, экономическим и политическим проблемам лишь подтверждают это [Николюк, 2009; Соколова, 2010; Титаренко, 2003]. Однако, как пишет Ю.Чернявская, недостатки народа – продолжение его достоинств [Чернявская, 2000]. Некоторое безразличие к происходящему, бесконфликтность, пассивность белорусов находят свое продолжение в высокой толерантности и их исторически выработанной высокой адаптивности к изменениям условий жизни [Титаренко, 2003].

Игровая роль жертвы, ставшая образом жизни белорусов, действительно способствует адаптации, носящей несколько консервативный и регрессивный характер. Происходит стагнация личностных ресурсов, поведение характеризуется бездействием, равнодушием, избеганием, но позволяет народу «выживать» в любых условиях. Возможно, подобный ситуативный способ адаптации оправдан для сложившейся непростой ситуации в Белоруссии и вполне устраивает этот удивительно миролюбивый и адаптивный народ. Такой способ помогает избежать дезорганизации, нестабильности, неустойчивости, непоследовательности и беспорядков в организации их жизни.

Для более точного анализа субъективных причин психологической виктимности россиян и белорусов нами был сделан сравнительный анализ по тесту жизнестойкости [Леонтьев, Рассказова, 2006], который показал, что россияне в большей степени вовлечены в происходящее и открыты опыту, чем белорусы ($t = -1,64, p = 0,05$). Явные различия между белорусами и россиянами обнаружены и по шкале «Принятие риска» ($t = -2,32, p = 0,01$). В целом по тесту жизнестойкости белорусы показали более низкие баллы, чем россияне. Получены достоверные различия по t -критерию Стьюдента на уровне значимости 0,02. Белорусам в большей степени свойственны стремление к комфорту и безопасности, мечты о размеренной спокойной жизни и т.п. Возможно, данные потребности (комфорт, безопасность и т.п.) не находят своего удовлетворения в реальной жизни современных белорусов, возможно, это связано с их национальным характером. В исследованиях З.Сикевиц, С.Ксензова [Сикевиц, 2007; Ксензов, 2010] показано, что белорусы отличаются спокойствием, консервативностью, миролюбием, им свойственна настроенность на компромисс, они отвергают такие качества, как стремление к риску и конфликтность. Список национальных качеств белорусов продолжает О.Батраева, утверждая, что рассудительность белорусов не позволяет им рисковать [Батраева, 2010].

Россияне в большей степени, чем белорусы, вовлечены во взаимодействие с окружающим миром, переживают сопричастность с жизненными событиями, положительно оценивают себя,

интересуются происходящим, готовы рисковать, даже если успех не обеспечен. Это подтверждается исследованиями коллег, которые показали, что современный россиянин стал совершенно другим, абсолютной противоположностью тому, о чем когда-то писали И.Павлов [Павлов, 2001], Э.Эриксон [Эриксон, 2000], классики русской литературы (М.Горький, Ф.Достоевский, А.Чехов и др.), исследователи первого перестроечного десятилетия [Бурно, 1999; Пезешкиан, 1999].

В поисках русского национального характера в 2009 году группой ученых было проведено широкомасштабное исследование. Авторы [Аллик и др., 2009] собрали картину современного русского и сделали следующий вывод. Типичный русский – это личность, которая редко испытывает депрессию или чувство неполноценности [Там же]. Это волевой, поспешный в принятии решений, доминирующий человек. Самая «выпуклая» [Аллик и др., с. 14], как пишут исследователи, характеристика типичного русского, которая отличает его от других наций, – открытость, что подтвердилось и в нашем исследовании (по шкале «Вовлеченность» теста жизнестойкости россияне набрали более высокие баллы, чем белорусы).

По методике смысложизненных ориентаций [Леонтьев, 2006] также обнаружены значимые различия между белорусами и россиянами по шкале «Результат» ($t = -2,54$, $p = 0,005$) и по общему уровню СЖО (смысложизненные ориентации как высший уровень самореализации личности) ($t = -2,58$, $p = 0,005$). Белорусы не удовлетворены своей самореализацией и считают свою жизнь недостаточно продуктивной. Эти данные дополняются показателями некоторых шкал методики В.Мильмана [Мильман, 2005]. У белорусов в меньшей степени, чем у россиян, реализованы потребности в ощущении полезности и значимости своей деятельности ($t = -2,42$, $p = 0,007$), что подчеркивает осознание ими бессмысленности и бесполезности своей самореализации.

Дальнейший анализ полученных по методике В.Мильмана данных показал, что белорусам в меньшей степени, чем россиянам, свойственно стремление к общей ($t = -2,09$, $p = 0,018$) и к творческой ($t = -2,19$, $p = 0,014$) активности. Мотивация общей активности, отражающая энергичность, стремление приложить свою энергию и умения в той или иной сфере деятельности, выносливость, упорство, возможно, противодействие [Приводится по: Мильман, 2005] у белорусов выражена гораздо слабее, чем у россиян. Аналогичные выводы можно сделать и о мотивации творческой активности, которая отражает стремление людей использовать свою энергию и возможности в той сфере, где можно получить некие творческие результаты [Там же]. Эти показатели в некоторой степени согласуются с данными мониторинга (2002–2008 гг.) Г.Соколовой. Так, ценность интересной и содержательной работы не становится более популярной среди белорусов. Ее выделяют всего 9,7%. На первом месте для белорусов по-прежнему стоят ценности хорошего заработка (86,9%). Катастрофически в течение всего периода мониторинга падают такие ценности, как соответствие работы способностям (с 73,2% в 2002 г. до 17,5% в 2007 г.); инициативность и относительная независимость (с 74% в 2002 г. до 27,9% в 2007 г.) [Соколова, 2010, с. 38].

Одновременно с этим наше исследование показало, что у белорусов в большей степени, чем у россиян, выражена статусно-престижная мотивация ($t = 3,52$, $p = 0,0002$), то есть мотивы поддержания жизнеобеспечения и комфорта в социальной сфере. В ней, по мнению В.Мильмана, отражается стремление субъекта получать внимание окружающих, престиж, положение в обществе, влияние и власть [приводится по: Мильман, 2005]. Мы можем лишь предположить, что у белорусов в отличие от россиян данные потребности являются недостаточно реализованными, а потому настоятельно требуют своего удовлетворения. Хотя данные мониторинга Г.Соколовой лишь частично подтверждают наши предположения. Так, к хорошим условиям труда и комфорту стало стремиться в два раза больше белорусов (68%) по сравнению с 2002 г. Несколько выросло стремление белорусов к престижной, статусной работе (с 6,8% в 2002 г. до 13,5% в 2007 г.) [Соколова, 2010], но оно стоит далеко не на первом месте по степени значимости. Эти потребности: «занимать престижное положение в обществе», «иметь комфортные условия», но при этом не проявлять никакой инициативы и активности, очередной раз подтверждают мысль Л.Титаренко о «парадоксальности» [Титаренко, 2003] сознания современных белорусов.

Далее был сделан анализ преодолевающих стрессы стратегий поведения россиян и белорусов, который позволил выявить, что белорусы чаще россиян в стрессовых ситуациях прибегают к такой частично адаптивной копинг-стрессовой поведенческой стратегии, как избегание ($t = 1,67$, $p = 0,048$). Им свойственен уход и отвлечение от проблем. Они предпочитают не задумываться о трудностях, используя различные формы отвлечения, в том числе социального. Вместе с этим белорусы чаще россиян используют и такой тип неадаптивного копинга, как ориентированный на эмоции ($t = 2,44$, $p = 0,007$). Они чаще россиян при столкновении с трудными жизненными ситуациями центрируются на страданиях, склонны погружаться в свою боль и пессимистически оценивать происходящее. Эти данные полностью подтвердили полученные нами в аналогичном исследовании в 2009 году, в котором также были выявлены достоверные различия в выборе копинга, ориентированного на избегание, и копинга, ориентированного на эмоции, белорусами и россиянами по t-критерию Стьюдента на уровне значимости 0,01 и 0,039 соответственно. Детальный анализ представлен в работе М.А.Одинцовой, Е.М.Семеновой «Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян» [Одинцова, Семенова, 2011].

Выводы

Результаты проведенного сравнительного исследования субъективных и объективных факторов виктимизации россиян и белорусов позволяют заключить следующее.

1. Анализ субъективных факторов виктимизации показал, что игровая роль жертвы становится «излюбленным» способом адаптации белорусов. Подобная адаптация носит несколько консервативный и регрессивный характер, происходит стагнация личностных ресурсов, блокируется стремление к более высокому уровню и качеству жизни. Постепенно четче вырисовываются черты виктимности белорусов (безразличие к происходящему; боязнь рисковать; избегание, уход от проблем и трудностей; нежелание действовать, проявлять активность и инициативу; неудовлетворенность своей самореализацией и продуктивностью своей жизни; стремление к комфорту и т.п.). Активизируются рентные установки, выражающиеся в утилитарном подходе к своему бедственному положению; в ощущении себя особенно пострадавшими и беспомощными; в фокусировании психической активности на страданиях; в беспомощности, пассивности и безразличии («абыяковости»). Вместе с тем адаптация белорусов через игровую роль жертвы исторически и психологически вполне оправданна, потому что позволяет белорусскому народу «выживать» в любых условиях, помогает избежать дезорганизации, нестабильности, неустойчивости, непоследовательности в жизни.

2. К объективным факторам виктимизации можно отнести особенности исторического развития, этнокультурные условия, особенности социальной, экономической и политической жизни народов. Объективным макрофактором виктимизации белорусов является историческое развитие народа. Считаясь одним из «самых отсталых краев царской России» [Литвин, 2002], Беларусь издавна была наделена стигмой неполноценности, ущербности, а в более мягком варианте – «многострадательности» [Там же]. Все это лишь поддерживает и закрепляет виктимный синдром в современных белорусах. Сегодняшнее, несколько снисходительное и попустительское, отношение к белорусскому народу как к «младшему брату» со стороны России, с одной стороны, можно сравнить с «неправильным воспитанием», способствующим поддержанию застарелого комплекса неполноценности и оттачиванию умений манипулировать более сильным и развитым окружением («старшим братом»). С другой стороны, превращение «младшего брата» в беспомощную, инфантильную жертву оказывается взаимовыгодным для обеих сторон. Так, слабая и беспомощная «жертва» в трудных жизненных ситуациях, как правило, вызывает сочувствие и может претендовать на немислимые компенсации. При этом «старший брат» для преодоления чувства

вины и поддержания своего превосходства вынужден возмещать любые потери.

Эти социально-политические коллизии подобны процессу, отраженному в знаменитом треугольнике Э.Берна, в котором наглядно представлены взаимовыгодные, но неконструктивные отношения между жертвой, спасителем, агрессором [Берн, 2008]. Кроме этого, система подавления, сохранившаяся в Белоруссии, препятствует проявлению активности, формирует безразличие, пассивность, покорность и создает благоприятные условия для поддержания синдрома «вечной жертвы» [Саенко, 1999] в белорусах. На фоне всего этого чернобыльская трагедия, усилившая в свое время стигму жертвы в белорусах, кажется совершенно безобидным фактором виктимизации.

3. К объективным микрофакторам виктимизации можно отнести этническое самосознание народа. Этническое самосознание как представление о собственной сущности, о своем положении в системе взаимодействий с другими народами, о своей роли в истории человечества, включая осознание права на независимость и на создание самобытной этнической культуры [приводится: по Чернявской, 2000], у белорусов является более размытым, чем у россиян. Россияне всегда считали себя великим народом, способным менять мир; такое восприятие подкрепляется величайшими изобретениями, открытиями, победами, свершениями.

Во всех без исключения проанализированных источниках [Батраева, 2010; Бобков, 2005; Буховец, 2009; Дубянецкий, 1993; Литвин, 2002; Науменко, 2008; Носевич, 1998; Титаренко, 2003; Фабрикант, 2008; Чернявская, 2000] отсутствие национального самосознания белорусов обозначается как одна из основных проблем белорусской нации, до сих пор вынужденной отстаивать право на существование. Отсутствие собственного языка («трасянка», на которой белорусы не хотят говорить), размытость национальной принадлежности, нечеткость национальной идеи и многое другое связано с историческими процессами. Становление белорусской нации происходило исключительно в полиэтническом, как пишет Ю.Чернявская (поликультурном, полиязыковом, поликонфессиональном) [Чернявская, 2000] социуме, что не может не сказываться на национальном самосознании. Белорусский «денационализированный» народ, лишенный национальной идентичности, национального самосознания, чувствует себя «одиноким и беспомощным винтиком» [Литвин, 2002]. В такой ситуации разобщенности «потенциал нации близок к нулю» [Там же].

Заключение

Субъективные факторы виктимизации чувствительны к различным явлениям в общественной жизни населения России и Белоруссии. В данной работе нами были уточнены результаты проведенного ранее исследования [Одинцова, Семенова, 2011]. По результатам анализа в обоих исследованиях были выявлены некоторые закономерности в проявлении тех или иных сторон виктимности у россиян и белорусов.

Значимые различия между выборками россиян и белорусов, полученные по шкале «игровая роль жертвы», объясняются многими объективными микро- и макрофакторами виктимизации – этнокультурными условиями, особенностями исторического развития, социальной, политической, экономической жизни народов. Имеются выраженные различия между белорусами и россиянами по предпочтениям тех или иных копинг-стратегий поведения в стрессовых ситуациях. Белорусы чаще россиян прибегают к копингам, ориентированным на избегание, и копингам, ориентированным на эмоции.

Некоторое дистанцирование и отстраненность от проблем могут быть связаны с особенностями национального характера белорусов, их пассивностью, миролюбием и толерантностью. Белорусы более пессимистично, чем россияне, оценивают происходящее и погружаются в свои страдания. Комплекс «страдальчества», обусловленный исторически, в стрессовых ситуациях у белорусов

обостряется.

В целом выделенные в данном исследовании характеристики в совокупности с ранее полученными данными [Одинцова, Семенова, 2011] позволили более четко обозначить субъективные факторы виктимизации белорусов и россиян.

Литература

Адлер А. [Adler A.] Наука жить / пер. с нем. А.Юдина. Киев: Port-Royal, 1997. С. 57–62.

Аллик Ю. [Allik J.], Мьттус Р. [Möttus R.], Реало А. [Realo A.], Пуллманн Х. [Pullmann H.], Трифонова А. [Trifonova A.], МакКрэй Р. [McCrae R.], Мещеряков Б. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. N 1. С. 2–18.

Батраева О. Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства // Беларуская думка. 2010. N 2. С. 102–107.

Берн Э. [Bern E.] Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / пер. с англ.: Л.Ионин. М.: Эксмо, 2008.

Бибо И. [Bibo I.] О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Избранные эссе и статьи: сб. ст. / пер. с венг. Н.Надь. М.: Три квадрата, 2004. С. 155–262.

Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2005. N 3/4. С. 127–137.

Бурно М. Сила слабых. М.: ПРИОР, 1999.

Буховец О. Историкоописание постсоветской Беларуси: демифологизация, «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве: сб. ст. М.: АИРО XXI, 2009. С. 15–31.

Выготский Л. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003.

Дубянецкий Э. Понемногу исчезают черты рабства. Менталитет белорусов: попытка историко-психологического анализа // Беларуская думка. 1993. N 6. С. 29–34.

Козырев Г. «Жертва» как феномен социально-политического конфликта (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008.

Крепелин Э. [Krepelin E.] Введение в психиатрическую клинику / пер. с нем. М.: БИНОМ, 2007.

Крюкова Т. Методология исследования и адаптация опросника диагностики совладающего (копинг) поведения // Психологическая диагностика. 2005. N 2. С. 65–75.

Ксензов С. Особенности формирования базовых институтов малых наций (на примере Беларуси) // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. N 3. С. 144–152.

Леонтьев Д., Рассказова Е. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Леонтьев Д. Тест смысло-жизненных ориентаций. М.: Смысл, 2000.

Литвин И. Затерянный мир. Или малоизвестные страницы белорусской истории [Электронный

ресурс]. Минск, 2002. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/litwin.txt> (дата обращения: 22.08.2011).

Мильман В. Мотивация творчества и роста. Структура. Диагностика. Развитие. Теоретическое, экспериментальное и прикладное исследование диалектики созидания и потребления. М.: Миря и Ко, 2005.

Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Мнацаканян М. Парадоксальный человек в парадоксальном мире // Социологические исследования. 2006. N 6. С. 13–19.

Мудрик А.В. Социальная педагогика / под ред. В.А.Сластенина. М.: Академия, 2000.

Науменко Л. Этническая идентичность белорусов: содержание, динамика, региональная и социально-демографическая специфика // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика: сб. науч. трудов. Минск: ИАЦ, 2008. С. 111–132.

Николюк С. Белорусское зеркало // Вестник общественного мнения. 2009. N 2. С. 95–102.

Носевич В. Белорусы: становление этноса и «национальная идея» // Белоруссия и Россия: общества и государства: сб.ст. М.: Права человека, 1998. С. 11–30.

Одинцова М. Многоликость жертвы или Немного о великой манипуляции. М.: Флинта, 2010.

Одинцова М., Семенова Е. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян // Культурно-историческая психология. 2011. N 3. С. 75–81.

Осухова Н. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. М.: Академия, 2005.

Павлов И. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001.

Пезешкиан Х. [Peseschkian N.] Терапевтические отношения и российский менталитет с транскультуральной точки зрения // Первая всемирная конференция по позитивной психотерапии: тезисы докл. (Санкт-Петербург, 15–19 мая). СПб., 1997. С. 47–74.

Перлз Ф. [Perls F.] Внутри и вне помойного ведра / пер. с англ. СПб.: Петербург XXI век, 1995.

Ривман Д. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002.

Ротенберг В. Образ Я и поведение. Иерусалим: Маханаим, 2000.

Саенко Ю. Постчернобыльская фаза пострадавших: самоспасение, самореабилитация, самозащита, самосохранение. Киев: Ин-т социологии НАНУ, 1999. С. 473–490.

Сикевич З. Русские, украинцы и белорусы: вместе или врозь? // Социологические исследования. 2007. N 9. С. 59–67.

Соколова Г. Социально-экономическая ситуация в Белоруссии с позиции культурной травмы // Социологические исследования. 2010. N 4. С. 33–41.

Сургуладзе В. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. М.: W.Bafing, 2010.

Титаренко Л. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания // Социологические

исследования. 2003. N 12. С. 96–107.

Уайт С., Макалистер Й. [White S., McAllister I.] Беларусь, Украина и Россия: Восток или Запад? / пер. с англ. Д.Волкова и А.Моргуновой // Вестник общественного мнения. 2008. N 3. С. 14–26.

Фабрикант М. Нарративный анализ национальной идентичности как теоретического конструкта и эмпирического феномена // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Мінск: АПА, 2008. С. 255–268.

Фромм Э. [Fromm E.] Может ли человек преобладать? / пер. с англ. С.Барабанова и др. М.: АСТ, 2000.

Циринг Д. Выученная беспомощность и жизненные события // Вестник Института психологии и педагогики. 2003. Вып. 1. С. 155–159.

Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. Минск: Беларусь, 2000.

Эриксон Э. [Erikson E.] Детство и общество / пер. с англ. А.Алексеева. СПб.: Летний сад, 2000.

Юнг К. [Jung C.] Проблемы души нашего времени / пер. А.Боковникова // Проблема души современного человека. М.: Прогресс, 1994. С. 293–316.

Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New Jersey: Prentice-Hall, 1963.

Hiroto D., Seligman M. Generality of learned helplessness in man // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 31. P. 311–327.

Hiroto D., Seligman M. *Ethnopolitical warfare: Causes, consequences, and possible solutions*. Washington, DC: APA Press, 2001.

Поступила в редакцию 29 августа 2011 г. Дата публикации: 17 февраля 2012 г.

Сведения об авторе

Одинцова Мария Антоновна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, факультет психологии. Университет Российской академии образования, ул. Краснобогатyrская, д. 10, 107564 Москва, Россия.
E-mail: Mari505@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Одинцова М.А. Субъективные и объективные факторы виктимизации россиян и белорусов. Психологические исследования, 2012, No. 1(21), 5. <http://psystudy.ru>. 0421200116/0005.

ГОСТ 2008

Одинцова М.А. Субъективные и объективные факторы виктимизации россиян и белорусов // Психологические исследования. 2012. № 1(21). С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421200116/0005.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к

документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)